

СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

А. Д. ДМИТРЕВ

ДВИЖЕНИЕ СКАМАРОВ

С конца V в. н. э., одновременно с массовыми вторжениями славянских племен в пределы Восточно-Римской империи, начавшимися в это время, в восточно-римских пограничных провинциях развивалось широкое народное движение, известное из источников под названием движения скамаров. Скамары оказывали могучую поддержку вторгавшимся славянам и вместе с последними принимали активное участие в разрушении рабовладельческих порядков Восточно-Римской империи.

Таким образом, в период распада единой Римской державы на Востоке происходили события, аналогичные тем, которые имели место на Западе: мощные народные движения сливались здесь с вторжениями славянских племен и наносили совместно с ними сокрушающие удары Восточно-Римской рабовладельческой империи.

Состояние наших источников не позволяет воссоздать более или менее полно картину событий, связанных с движением скамаров. Мы имеем только самые скудные и отрывочные сведения о скамарах и притом относящиеся почти исключительно к северной римской провинции — Норике. Поэтому для того, чтобы ознакомиться с предпосылками движения скамаров, с его характером и с социальным составом участников, необходимо изложить события, происходившие в Норике в 60—70-е годы V в.

К этому времени римское господство в Галлии, Испании и Африке уже пало. Среди „варварских“ владений там оставались только небольшие островки, за которые еще цеплялась обессиленная и обескровленная римская власть. Не менее беспомощным оказывалось в это время римское правительство и в северных дунайских провинциях — Реции, Норике и Паннонии. После смерти Атиллы и распада гунинского союза на территории этих провинций начали наступать различные „варварские“ племена, почти не встречая никакого сопротивления со стороны пограничных римских войск.

Отготы вторглись в Паннонию и прочно утвердились там. Оттуда они часто производили нападения на Норик и, вероятно, в качестве федератов империи сделали фактическими хозяевами *Noricum mediterraneum*¹. Руги, расположившиеся на левом, северном берегу Дуная, вдоль всей границы Норика, мало-помалу распространяли свое

¹ *Jordani Getica*, 50: *accipientes Pannoniam, quae in longo porrecta planities habet ab oriente Moesiam superiorem, a meridie Dalmatiam, ab occasu Noricum, a septentrione Danubium; cp. Eugippii. Vita Severini, ed. Th. Mommsen, Berlin, 1898, 5, 1. Jord. Get., 52.*

господство на *Noricum ripense*, облагая его города данью¹. Аламаны и свевы утвердились в различных частях Реции². Кроме того, в эти провинции часто вторгались отдельные отряды герулов, гепидов, скиров, славян и других народностей, пришедших в движение после распада гуннского союза.

Одновременно с вторжениями „варваров“ в самой провинции Норик происходило движение так называемых скамаров, которое отсюда распространялось в Паннонию и далее — в пограничные провинции Восточно-Римской империи.

Об этом движении мы узнаем из „Жития св. Северина“, составленного его учеником Евгипием в 511 г.³ Если не считать весьма кратких надписей и лаконичных известий хроник, это житие — наш единственный источник для ознакомления с внутренней жизнью небольшого района на Дунае в период 453—483 гг. Но и этот источник не является полноценным. Составленный в обычном житийном стиле, он содержит крайне скудные данные для характеристики социальных отношений в Норике; автор жития сосредоточивает свое внимание исключительно на личности Северина и его деяниях.

Местности, которые проходят перед нами в „*Vita Severini*“, — это города на римской границе по Дунаю, от Верхней Паннонии, через *Noricum ripense* — вверх до слияния Инна (*Aenus*) с Дунаем, а также близлежащие города Реции. „*Vita Severini*“ называет Комагену, Фавиану, Лавриак, Астуру, Йовиак, Бойодур, Батаву, Квинтану и некоторые другие, менее значительные города.

Когда-то, во II—IV вв., эти города представляли собой сильные крепости, в которых стояли многочисленные римские гарнизоны, охранявшие эту часть территории Римской империи от вторжения внешних врагов. Тогда римское господство в Норике казалось несокрушимым; Рим подавлял своей мощью всякое сопротивление поработенных народных масс. Вместе с тем в тот период многие из этих городов являлись важными экономическими центрами.

Торговля Норика и Паннонии со странами Средиземного моря во II—IV вв. была очень интенсивна. Из Норика в изобилии вывозили сельскохозяйственные продукты, особенно вино и масло; большую роль играла торговля железом, скотом, кожами, а также изделиями местного ремесленного производства⁴. Особенно оживленной была торговля гончарными изделиями. В городах Реции, Норика и Паннонии, как видно из новейших археологических раскопок, керамическое производство достигло значительного развития. Этим ремеслом добывало себе средства к существованию весьма большое число жителей городов. Об этом свидетельствует множество надписей, обнаруженных на глиняных изделиях, в подавляющем большинстве — с туземными именами: *Agesilus*, *Amio*, *Aper*, *Anno*, *Attus*, *Bellus*, *Callo*, *Cillus*, *Cinges*, *Fortis*, *Luppo*, *Luccejus*, *Majanus*, *Matto*, *Matuga*, *Muscella*, *Nassa*, *Pona*, *Saciro*, *Ursio*, *Udlugesus* и т. д.⁵ Простые имена и прозвища мастеров, изготовлявших эти несложные изделия, показывают, что ими были простые люди — свободные бедняки, вольноотпущенники и рабы, работавшие в мастерских своих владельцев.

¹ Eugip. *Vita Sever.* 5, 1; 8, 1; 31, 4.

² *Ibid.*, 19; 22, 4; 27, 1 ff; 25, 3.

³ *Ibid.*, p. VII.

⁴ *Expositio totius mundi*, с. 57, ed. Riese (*Geogr. lat. min.*), p. XXIX; *Solin.*, 21, 3.

⁵ Steiner. *Codex inscriptionum romanorum*, 2526, 2677, 2679, 2636, 2665, 2635, 2680, 2668; ср. *Register zum Codex*, S. 62—79, 94, 110—112, 194, 205.

Кроме того, в некоторых больших городах Норика существовали мастерские для изготовления шерстяных, суконных, льняных и пурпурных тканей, каменотесные, скульптурные, меднолитейные, кузнечные, ювелирные мастерские, а близ городов находились золотые и железные рудники. Последние, доставлявшие много высококачественного материала¹, имели для империи большое значение в военном отношении: в больших городах Норика и соседней Паннонии были организованы императорские оружейные мастерские, в которых применялся почти исключительно труд рабов².

Во всех этих мастерских и в рудниках было занято большое количество рабов и свободных бедняков, имевших мизерные средства для существования.

С другой стороны, в экономике провинции важное место занимало сельское хозяйство. Альпийские предгорья и равнины Норика были очень плодородны, имели прекрасные пастбища, луга и виноградники. Норик называли страной мелкого крестьянского хозяйства по преимуществу³. Большая часть жителей городов и местечек занималась одновременно и сельским хозяйством: они имели за пределами города небольшие участки пахотной земли, пастбища, виноградники и фруктовые сады и возделывали их на правах государственных арендаторов⁴. По словам источника, жители городов жили скромно от трудов своих на этих полях и в этих садах и большую часть своих дней проводили вне городских стен, занимаясь сельскохозяйственными работами⁵.

Иная картина встает перед нами из „Жития св. Северина“, рисующего положение в этой провинции во второй половине V в. В это время цветущие города и местечки Норика резко изменили свой вид. Торговля и сельское хозяйство пришли в упадок, ремесленные мастерские почти прекратили свое существование, и жизнь трудящегося населения стала еще более тяжелой. Простые люди переживали крайне бедственные времена.

Как видно из многих мест „Жития“, постоянные вторжения „варваров“, сопровождавшиеся опустошениями и общей хозяйственной разрухой, совершенно подорвали призрачное экономическое благополучие сельского Норика. Крестьяне разорялись, нищали и голодали⁶. В результате прекращения ремесленного производства и закрытия мастерских огромное количество рабов и бедняков утратило какие бы то ни было средства к жизни и также влачило голодное нищенское существование.

Евгиппий рассказывает, что многократные вторжения и опустошения совершенно уничтожили сельское хозяйство в областях прибрежного Норика, и эти когда-то очень плодородные местности во второй половине V в. были не в состоянии обеспечить хлебом даже своих жителей. Нужно было доставлять продовольствие из внутренних областей, лучше защищенных от постоянных вторжений „варваров“.

¹ Древняя слава железа Норика, высокое качество и твердость которого вошли в поговорку, сохранялась до конца империи. P l i n i i. Naturalis historia, XXXIV, 145; Rutil, Namatian., Itin., I, 351 ff.

² Notitia dignitatum называет большие императорские оружейные мастерские в Лавриаке и в паннонских городах Карнунте, Аквинкуме и Сирмии, см. Not. dign., occ., VIII, 43.

³ Claudiani. De bello Gethica, 365: Norica rura.

⁴ Eugip. Vita Sever., 12, 4; ager segetis... seges exigua, multis vicinorum circumdata frugibus.

⁵ Ibid., 4, 1; extra muros — homines pecudesque.

⁶ Eugip. Vita Sever., 40,5: haec quippe loca nunc frequentata cultoribus in tam vastissimam solitudinem redigentur.

Но доставка хлеба и других продуктов не была налажена и часто задерживалась вследствие расстройств римского правительственного и военного аппарата.

Обанкротившиеся римские власти не могли уже не только возродить экономическую жизнь прибрежных городов Норика, но даже создать видимость прочности римских порядков в провинции. Они заботились лишь о собственном благополучии и были глухи к страданиям и бедствиям народа. В страхе перед „варварами“ и оказывавшими им поддержку массами эксплуатируемого населения Норика римская гражданская и военная администрация спешила покинуть угрожаемые местности и спасалась бегством во внутренние области провинции или в Италию, оставляя на произвол судьбы местное население.

Большинство регулярных римских войск, стоявших в пограничных городах, было отозвано для защиты Италии, а оборона Норика была фактически передана наемным „варварским“ дружинам, которые еще более отягощали разоренное население постоянными реквизициями и поборами в счет государственной анноны.

При таком положении вещей в городах и местечках прибрежного Норика часто наступал голод, во время которого знатные и богатые жители обнаруживали свою алчность и свое бессердечие по отношению к голодающим беднякам, сами предаваясь всем наслаждениям богатой и сытой жизни¹. Они имели в своих амбарах и складах большие запасы хлеба и, не чувствуя нужды за стенами своих вилл, не видели и не слышали страданий и воплей голодного народа.

Евгиппий рассказывает, что в городе Фавиане многие знатные и богатые римские колонисты во время голода стремились лучше скрыть свои запасы хлеба, чтобы, пользуясь бедствием, дороже продавать его, когда голод и нужда еще более усилятся. В числе таких алчных извергов была одна римская вдова знатного происхождения, по имени Прокула, которая зарыла в своем имени большое количество зерна². На почве голода в городе начались народные волнения.

Не видя спасения и изнемогая от нужды, голодные люди закипали гневом и ненавистью к богачам. Бедняки толпами ходили по городу, насильственно отбирали хлеб у богачей, громили закрытые продовольственные магазины и бежали к повсюду бродившим „варварам“, становясь на путь вооруженной борьбы против своих угнетателей.

„Вот к чему, — пишет Энгельс, — привело римское государство с его мировым господством: свое право на существование оно основывало на поддержании порядка внутри и на защите от варваров извне; но его порядок был хуже злейшего беспорядка, а варваров, от которых оно бралось защищать граждан, последние ожидали как спасителей“³.

Крестьяне покидали свои участки земли, рабы и городской плебс оставляли города и уходили в горы. Здесь, в отрогах Альп они объединялись с отрядами наступавших „варваров“, снабжавших их оружием, и вместе с ними выступали против безмерно угнетавшего их государства. К ним присоединялись и солдаты, несшие гарнизонную службу в городах и состоявшие в большинстве из варварских наемников. Они также были обречены на голод, так как вследствие разрыва коммуникаций с центральным правительством и общего расстройства римского

¹ Eug ip. Vita Sever., 1, 2: animi contumaces ac desiderii carnalibus inquinati; 22, 3: aperta scurrilitas.

² Eug ip. Vita Sever., 3, 2: quandam viduam nomine Proculam fruges plurimas occultasse, quam productam in medium arguit.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 125.

государственного аппарата на местах, почти не получали ни продовольствия, ни положенного жалования¹.

Так образовались в Норике вооруженные отряды, состоявшие из порабощенного населения провинции и пришлых „варваров“. Скрываясь в горах, одетые в звериные шкуры, вооруженные по образцу „варваров“, эти отряды заполнили собой все горные проходы Альп и, спускаясь в долины Норика, нападали на римские виллы и на слабо укрепленные города, избивали и уводили в плен римских колонизаторов-рабовладельцев. В глазах последних это были страшные и неуловимые *latrones*, *latrunculi*. В дунайских провинциях они получили название скамаров, — так называет их и Евгиппий².

Происхождение слова *scamares* объяснить весьма трудно. П. И. Шафарик, первый обративший внимание на термин „скамары“, неправильно, однако, полагал, что скамарами назывался некий народ, который появился на Дунае с востока вместе с гуннами и аварами³. Вслед за Шафариком русские дореволюционные историки видели в скамарах остатки гуннов, очутившихся среди болгар после заселения последними Балканского полуострова. Так Д. Иловайский, приводя замечание Иордана о том, что „потомки гуннов, перешедших на Балканский полуостров, назывались сакромонтизиями и фозатизиями“⁴, совершенно искусственно сближает сакромонтизию со скамарами. „Упомянутые Иордановы сакромонтизии, — пишет он, — по всей вероятности, суть не что иное, как переименованное название скарманты или скамары. Мы (вслед за Шафариком) сближаем с этим названием славянское слово скамах или скоморох. Это одно из многих народных имен, обратившихся в бранное или насмешливое нарицательное имя“⁵.

Ближе к истине стоял В. Брукнер, который считал, что слово *scamares* происходит от лангобардского *scamar(a)*, *scamer(a)* — (мн. ч. — *scamaras*), что значит шпион, вор, разбойник. По его мнению, слово *scamar* есть прилагательное, образованное посредством суффикса *-ro* от корня *scam-* со значением покрываться, закутываться⁶.

Бесспорно, что термин „скамар“ имел социальный смысл. Античные писатели под скамарами разумели разбойников, — этим словом, отражавшим их классовую ненависть к порабощенным массам, они называли тех, кто выступал с оружием в руках против римских порядков. В таком смысле слово „скамар“ употребляют Евгиппий⁷, Иордан⁸, Менаандр⁹ и хронограф VIII в. Феофан Византийский¹⁰.

В частности, Евгиппий прямо называет скамаров разбойниками и, описывая опустошительные набеги *latrones*, *praedones*, очевидно, разумет под этими терминами тех же скамаров¹¹. В таком смысле слово

¹ Eugip. *Vita Sever.*, 20, 1: *qua consuetudine desinente simul militares turmae... sunt deletae cum limite, Batavino utcumque numero perdurante... multorum milites oppidorum pro custodia limitis publicis stipendiis alebantur.*

² *Ibid.*, 10, 2: *Histri fluenta praetermeans latrones properanter insequitur (Severinus), quos vulgus scamaras appellabat.*

³ П. И. Шафарик. *Славянские древности*, перев. с чешского О. Бодянского, т. I, кн. 2, М., 1847, стр. 84.

⁴ *Jord. Get.*, 50.

⁵ Д. Иловайский. *Разыскания о начале Руси*, М., 1876, стр. 373.

⁶ W. Bruckner. *Die Sprache der Langobarden*, Strassburg, 1895, S. 42, 179, 211; ср. Schade. *Altdeutsches Wörterbuch*, II Aufl., 1872, S. 776.

⁷ Eugip. *Vita Sever.*, 10, 2.

⁸ *Jord. Get.*, 58, 12—18.

⁹ Menander, fr. 35. *Fragm. hist. graec. (FHG)*, t. IV, p. 237.

¹⁰ *Theophani Chronographia*, ed. Bonn., p. 673.

¹¹ Eugip. *Vita Sever.*, 4, 2: *latrunculi*; 4, 4: *latrones*; 5, 3: *turba latrocinantium barbarorum*; 5, 3: *praedones*.

скамары встречается в лангобардских законах¹ и даже позднее — в некоторых средневековых латинских грамотах².

Конечно, движение скамаров в Норике началось не внезапно. Нам известно из источников, что освободительное движение поработенного населения происходило здесь и ранее. Из слов Клавдиана можно заключить, что во время похода Алариха в Италию в 401 г., когда вестготы приближались к области верхнего Дуная, в Реции и Норике вспыхнуло народное восстание, благодаря которому Аларих, при поддержке восставших, без большого сопротивления перешел через Юлийские Альпы в Венецию и дошел до Медиолана³. Точно так же нам известно, что борющийся против багаудов в Галлии римский полководец Аэций подавлял в 430—431 гг. большое народное восстание в Норике⁴. Эти глухие, отрывочные известия показывают, что с началом „варварских“ вторжений в Норике часто происходили народные движения.

Теперь, в обстановке почти непрекращавшихся вторжений „варваров“ и полного бессилия центральной власти движение скамаров усилилось, проявляясь, впрочем, не в виде массовых восстаний, а в форме повстанческого движения, своего рода партизанской войны. Во многих местах своего „Жития“ Евгиппий упоминает о внезапных опустошительных набегах скамаров (*latrones*)⁵. Их отряды прорывались с левого берега Дуная через границы, спускались внезапно с гор и рассыпались по всей провинции — не только в прибрежных, но и во внутренних областях, — поднимая народ на освободительную борьбу. По своему характеру это движение ничем не отличалось от выступлений багаудов, буколов, агонистиков и других подобных им стихийных освободительных движений поработенных Римской империей народных масс.

Скамары опустошали и жгли поля, громили виллы и дворцы богатей, беспощадно убивали тех, кто им сопротивлялся, а сдававшихся в плен частью обращали в рабов, частью же освобождали за большой выкуп⁶. Они нападали и на большие города, где укрывались римские колонизаторы, стекавшиеся со всех сторон под защиту городских стен. Скамары производили свои набеги по большей части ночью. Скрываясь в течение дня в лесах и горных ущельях, ночью они выступали на бой, имея при себе особые приставные лестницы, по которым быстро взбирались на стены городов⁷. Все дороги в провинции сделались небезопасными, и богатых путников, римских чиновников и солдат часто ожидали плен или смерть от бродящих отрядов скамаров⁸. Малая война против римлян шла непрерывно, и римские колонисты, вследствие бессилия местных властей и не доверяя мятежным дружинам „варварских“ наемников, должны были сами организовывать самооборону и охрану городов.

¹ *Lex Langobard.*, lib. I, tit. I, § 4 (Roth., 5): *si quis Scamaram intra provinciam celaverit aut annonam dederit, animae incurrat periculum.*

² *Capit. Sicardi principis Benevent.*, art. I: *hoc promittimus ut si quis hostis aut Scamaras per nostros fines ad laesionem contra vos venire tentaverint... Epist. Stephani papae ad Pipinum regem, ed. Baron., Annal. 755: Scamaras atque depraedationes seu devastationes...*

³ *Claudiani. De bello Gethica*, 363—365; 380—384.

⁴ *Hydat., Chron. ad anno 431: Aetius Noros edomat rebellantes; Sidonii Apollinarii Carmina*, VII, 233.

⁵ *Eugip. Vita Sever.*, 4, 4: *aviditas praedandi; 31., 4: praedonum vastatione creberrima.*

⁶ *Ibid.*, 22; 24; 27.

⁷ *Ibid.*, 30: *scalae, quas ad urbis excidium praeparantes.*

⁸ *Ibid.*, 20; 37.

Евгиппий подробно рассказывает об одном набеге скамаров (*latrones*) на окрестности Фавианы. Отряд скамаров был многочисленен и хорошо вооружен¹. Он появился внезапно в двух милях от Фавианы и стал опустошать поля, угонять скот, а жителей обращать в рабство. Начальник гарнизона трибун Мамертин долгое время не осмеливался выступить против скамаров, так как у него было мало солдат и все они были плохо вооружены².

Только после настойчивых просьб жителей, со слезами умолявших спасти их и их имущество от грозных врагов, Мамертин, по совету Северина, начал действовать. После тщательной разведки он выследил скамаров и напал на них в тот момент, когда они после набега беспечно отдыхали на берегу небольшой речки Тигунции.

Повстанцы (*latrunculi*) были застигнуты врасплох и частью бежали, оставив оружие, а частью были захвачены в плен.

Подобные столкновения, как это можно заключить из краткого рассказа Евгиппия, были довольно частыми.

В то же время из Редии и из-за Дуная в *Noricum ripense* вторгались аламаны, тюринги, руги, герулы и другие племена, с которыми сливались отряды скамаров, действуя совместно с ними против сохранявшихся еще очагов римского господства в северных дунайских провинциях. Перед лицом объединившихся внутренних и внешних врагов, наносивших последние удары римскому владычеству в Норике, римская администрация и римские колонисты бежали из одного укрепленного города в другой, а оставленные города попадали в добычу „варварам“ и их союзникам — скамарам.

Наконец, около 475 г. пал последний оплот римского господства в Норике — город Лавриак. Римские колонизаторы вынуждены были отступить под защиту короля ругов Фелефея, который в интересах расширения своего влияния охотно согласился быть „союзником“ римлян и выступил против аламанов и скамаров³. Но под маской союзника он утверждал свое владычество на развалинах дунайской крепости империи и фактически превращался в нового хозяина Норика.

Как можно видеть из кратких сообщений других источников, движение скамаров не ограничивалось только провинцией Норик. В течение долгого времени оно происходило в Паннонии и особенно во Фракии, где, так же как и в Норике, рабы, колоны и другие поработанные бедняки бежали от римского гнета в малодоступные и непроходимые местности, а затем объединялись с вторгавшимися „варварскими“ народностями и совместно с ними выступали с оружием в руках против безмерно угнетавших их рабовладельцев и рабовладельческого государства. Эти повстанцы и здесь получили название скамаров. Таким образом от Норика и до Фракии в течение весьма продолжительного времени за борцами против рабовладельческой империи сохранялось название скамаров. Это показывает, как широко и мощно было движение скамаров, о котором, к сожалению, наши источники сохранили только отрывочные данные.

В трудно доступных и необитаемых местностях Паннонии и Фракии возникали целые поселения скамаров. Их жители были свободны и не знали римской неволи и римского гнета; они не знали тяжкого

¹ *Ibid.*, 4, 2: *hostium turba... arma omnium sustulerunt.*

² *Ibid.*, 4, 2: *milites habeo paucissimos, sed non audeo cum tanta hostium turba confligere... inermes sunt milites.*

³ *Ibid.*, 31, 6: *Romani de Lauriaco discedentes pacificis dispositionibus in oppidis ordinati benivola cum Rugis societate vixerunt.*

подневольного труда и были избавлены от ига террористического режима гибнущей цивилизации. Поэтому притягательная сила этих вольных поселений была велика и число их с течением времени было более и более увеличивалось. Они сыграли весьма большую роль в падении римского господства в восточно-дунайских пограничных провинциях и в окончательном утверждении там славян.

Иордан рассказывает, что в начале VI в. скамары были полными хозяевами в запустевших и оставленных римлянами местностях северного Иллирика. В 505 г. их вождем сделался некий Мундо, которого Иордан называет гунном, родственником Аттилы¹, Марцеллин считает готом², а Малала — гепидом из царского рода. Последнее является наиболее вероятным³.

Спасаясь от преследования короля гепидов Тразариха, Мундо вместе с группой близких людей перешел Дунай и нашел убежище на римской территории у скамаров, которые за храбрость и смелые набеги на римские города избрали его своим вождем. После этого множество скамаров из соседних местностей объединились вокруг него, и в Иллирике началась настоящая война против римских колонизаторов. Скамары захватили крепость Герту, лежавшую в области Сирмия и господствовавшую над Дунаем, сделали ее своим главным оплотом и, опираясь на нее, вели успешную войну против войск восточно-римского императора Анастасия (491—518)⁴.

В это время магистром армии в Иллирике был Сабиниан. Чтобы подавить восстание скамаров, он двинулся против них во главе десяти тысячного войска, привлекая на свою сторону бродившие в Иллирике отряды болгар. Одновременно отправил свои войска против скамаров и король гепидов Тразарих, претендовавший на восточно-римскую область Сирмия и заинтересованный в уничтожении своего врага Мундо.

Гепиды и войска Сабиниана осадили Герту. Теснимые врагами и истощенные голодом, главные силы скамаров решили уже сложить оружие, но к ним неожиданно подоспела помощь и они спаслись от разгрома. Как раз в это время остготы враждовали с гепидами из-за владений в дунайских областях, и остготский король Теодорих решил использовать восстание скамаров в своих интересах, чтобы утвердить свою власть в области Сирмия. Он отправил к крепости Герта свое войско под начальством Петцы, который завязал сношения с Мундо и заключил союз с восставшими скамарами⁵.

С помощью скамаров Петца разбил соединенные войска гепидов и Сабиниана и освободил защитников Герты, после чего Мундо признал власть Теодориха и вступил к нему на службу⁶. Сражение

¹ Jord. Get., 58, 14.

² Marcell., Chron. ad annum 505.

³ Malal., XVIII, ed Bonn., p. 450: ...Μοῦνδος ὁ ἐκ γένους τῶν Γηπέδων καταγόμενος, υἱὸς ὧν ῥήγος...

⁴ Jord. Get., 58, 14—16: fugiens ultra Danubium in incultis locis sine ullis terrae cultoribus divagatus et plerisque abactoribus scamarisque et latronibus undecumque collectis turrem quae Herta dicitur super Danubii ripam positam occupans ibique agresti ritu praedasque innectens vicinis regem se suis grassatoribus fecerat.

⁵ Ennod. Paneg., 12. Monumenta Germaniae historica (MGH), Auctores antiquissimi, t. VII, p. 210—211.

⁶ Jord. Get., 58, 18: Petza subveniens e manibus Sabiniani eripuit, suoque regi Theodorico cum gratiarum actione fecit subjectum. Позднее Мундо перешел на службу к императору Юстиниану I, принял христианство, был назначен магистром армии в Иллирике, где успешно сражался против славян. Он же во главе герудов принял участие в подавлении восстания „Ника“.

остготов с восточно-римскими войсками, в котором принимали участие и скамары, происходило, по Марцеллину, на реке Марге (Мораве) у крепости Norrea Margi (Хлебные амбары Марга). Сабиниан был разбит и потерял весь свой обоз. Много солдат его утонуло в Марге, а сам он успел бежать с немногими приближенными в крепость Нато¹.

Таким образом, императору Анастасию не удалось разгромить скамаров. Напротив, движение приобретало все больший размах, так как к скамарам бежало, вливаясь в их ряды, истощенное и голодающее население Паннонии, Мезии и Фракии, ненавидевшее своих поработителей. Движение скамаров (*latrones*) особенно усилилось в правление Юстиниана I (527—565), когда, как известно, для земледельческого населения Восточно-Римской империи наступили чрезвычайно тяжелые времена.

Как видно из многих новелл Юстиниана, провинциальные власти и сборщики налогов позволяли себе неслыханные злоупотребления, а крупные собственники безнаказанно применяли насилия по отношению к свободным крестьянам, захватывая их участки и обращая самих владельцев в своих зависимых колонов, положение которых ничем не отличалось от положения рабов². „Ибо, — говорит одна из статей закона Юстиниана, — какое может быть различие между рабами и колонами, если и те и другие находятся во власти своего господина“³. Городские и сельские власти жестоко грабили крестьян, развитие патроната только усугубляло их тяжелое положение, ибо, — как указывает Энгельс, — патрон ставил им условие, чтобы они передавали ему право собственности на их участки“⁴; таким путем целые общины теряли последние остатки земли и воли, попадая в хищные лапы магнатов.

Ростовщики и кредиторы, пользуясь трудными временами, высасывали все соки из крестьян. В новелле XXX „О дающих заем земледельцам“ говорится о жадности кредиторов, использующих трудные обстоятельства и захватывающих земельные участки несчастных крестьян, и за малое количество хлеба „все их имущество“, причем характерно, что самый закон, из которого мы узнаем об этих жадных кредиторах, „прежде всего имеет отношение к Фракии и ко всем ее провинциям, а в настоящее время распространяется и на иллирийские провинции“⁵. В XXIV новелле Юстиниан также пишет о ростовщиках, за ничтожные хлебные ссуды захватывавших землю и имущество должников — мелких земледельцев Иллирика⁶. В XXXII новелле, обращенной к наместнику Гемимонта, снова речь идет о „безбожном корыстолюбии“ кредиторов, которые, „используя голодное время, за ничтожное количество хлеба забрали всю землю нуждающихся, так что одни земледельцы бежали, другие погибли от голода, произошла страшная убыль людей, ничем не меньшая, чем при варварском вторжении“⁷.

¹ Marcell. Chron., ad annum 505: multis suorum militibus in hoc conflictu perditis et in Margo flumine enecatis, amissis praeterea plaustris in castellum, quod Nato dicitur, cum paucis fugit.

² Codex Justiniani, IV, 65, 35; Nov., XVII, 13, 14.

³ Cod. Just., XI, 47, 21.

⁴ К. Марке и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 127.

⁵ Цит. по работе: М. В. Левченко. Материалы для внутренней истории Восточно-Римской империи V—VI вв. „Византийский сборник“, 1945, стр. 52.

⁶ Там же, стр. 21.

⁷ Там же, стр. 52.

Все эти бедствия вызывали массовое бегство обезземеленного, разоренного и голодающего сельского населения. Никакие законодательные и суровые административные мероприятия Юстиниана не помогали. Народ бежал толпами. Во Фракии люди скрывались в предгорьях и горах Гема, покрытых густыми буковыми лесами, и становились скамарами (*latrones*). Из многих новелл и эдиктов Юстиниана видно, что в его время движением *latrones* была охвачена вся Фракия, а также и другие восточные провинции¹. Строгие предписания Юстиниана ставили одной из важнейших задач неустанную и беспощадную борьбу местных гражданских и военных властей против *latrones*, которые во многих местах вступали в открытые вооруженные столкновения с полицейскими отрядами². Во Фракии скамары почти свободно, вооруженными толпами бродили по провинции и нападали на поместья богачей. В трактате о постройках Прокопий говорит, что каждое поместье на Балканах приходилось превращать в мощный замок, либо помещать возле него укрепленные военные посты. Однако разбросанные на далеком расстоянии друг от друга, войска не могли подавить выступления скамаров, тем более, что „варварские“ солдаты, из которых составлялись эти охранительные посты, часто оказывались ненадежными или даже враждебными по отношению к римлянам.

В то время, когда во Фракии и Илирии развертывалось движение скамаров, происходили массовые вторжения в эти восточно-римские провинции славянских племен. „С того времени, — пишет Прокопий, — как Юстиниан принял господство над римлянами, гунны, склавины и анты почти ежедневно опустошали Илирию и всю Фракию... и наносили жителям этих стран неисправимые бедствия“³. Однако эти „неисправимые бедствия“ обрушивались в основном только на господствующий класс рабовладельцев.

Конечно, грабежи „варваров“ и их жестокость по отношению будто бы ко всему населению провинций весьма сильно преувеличены византийскими писателями. Нельзя доверять рассказам Прокопия о том, что славяне обращали города и селения в пепел, что они „предавали лютой смерти всех без разбора попадавшихся им римлян и усеяли весь Илирик и Фракию непогребенными трупами“, что весь Илирик и вся Фракия были превращены в „скифскую пустыню“⁴.

В действительности ничего подобного не происходило.

Опустошительная сила славянских вторжений хотя и была велика, но развратывалась она под знаком уничтожения римской рабовладельческой империи. Вместе с храмами и дворцами, вместе с избиением рабовладельцев и разгромом их вилл славяне разрушали рабовладельческие порядки, рабовладельческий строй, причинявший неисчислимые страдания народным массам. Славяне несли с собой новые порядки, новый общественный строй, правда, более примитивный, но приводивший к несомненному улучшению быта поработенного населения восточно-римских провинций.

Славяне принесли с собой свободную общину и демократическое политическое устройство. Прокопий говорит: „Эти племена — склавины и анты не управляются одним человеком, но издревле живут в демо-

¹ Nov. Just. XXIV, 4; XXV, 2, 5; XXVI, 1; XXVIII, 6; XXIX, 5; XXX, 7.

² Just. edict. VIII: in provinciis hisce homines habitare latrociniis et caedibus innutritos, et homines ferentes semper congregantes et armis utentes et his affugiuntque in has res constitutas poenas.

³ Procopii Anecdota, 18, ed. Hauriy, p. 114.

⁴ Procop. De bello Gothico, III, 38; Anecd., 18.

кратии, и поэтому у них счастье и несчастье в жизни считается общим делом¹, а Маврикий Стратиг присовокупляет, что „племена славян и антов сходны... по своей любви к свободе“².

Вот почему опустошительные славянские вторжения находили широкий отклик в сердцах поработанных масс. Они отвечали собственным чаяниям и надеждам этих масс, и в то время как знатные и богатые люди перед лицом вторгавшихся славян зарывали в землю свои сокровища, хватали из своих пожитков все, что могли, и бежали от врага либо в укрепленные города, либо в глубокий тыл, — угнетенные массы с чувством радости ожидали и встречали пришельцев с того берега реки, не видя в них своих врагов.

В этом была сила славян и слабость империи. Прокопий, говоря о времени Юстиниана, пишет: „Народ большими толпами убегал не только к варварам, но и к римлянам, живущим далеко за римскими пределами, и в каждой области, в каждом городе можно было видеть все большее количество пришлых (ξένους). Чтобы только скрыться от родной земли, каждый из них охотно менял ее на любую чужую землю, как будто бы их родина была захвачена врагами“³.

Движение скамаров, сочетавшееся со вторжениями славян, облегчило последнее утверждение на византийской территории. Вот почему никакие преграды не могли обезопасить империю от славянских вторжений. Мы знаем, какое большое строительство укреплений на Дунае и в горных проходах Балканского полуострова предпринял Юстиниан. Прокопий в „Тайной истории“ называет эти постройки „безумными“ и указывает, что они поглотили огромное количество средств и сил, но так и не достигли цели. Никакие крепости не могли остановить славян, действовавших в контакте с поработанными массами восточно-римских провинций.

Из отрывочных данных наших источников можно заключить, что это взаимодействие славян с скамарами в борьбе против византийской империи продолжалось весьма долгое время.

Так, Менандр рассказывает, что в 570 г., после заключения мира между аvaraми и византийским императором Юстином II, скамары опустошали местности, смежные с Гемом, где они имели свои поселения. Они напали на большой обоз аварского кагана Баяна, послы которого возвращались из Константинополя. Обратив конвой обоза в беспорядочное бегство, скамары захватили лошадей, повозки, серебро и все, что находилось в обозе⁴. Это не был простой грабеж. Мы знаем, что славяне в это время находились во враждебных отношениях с аvaraми, поселившимися в 568 г. в Паннонии и пытавшимися покорить славян. С своей стороны император Юстин II, не имея достаточно войска, заключил союз с аварским каганом, чтобы совместными усилиями напасть на славян⁵. В такой ситуации скамары, выступая против послов Баяна, договорившегося о союзе с Юстином II, несомненно действовали как союзники славян.

¹ Procop. De bello Gothico, III, 14.

² Mauricii Strategicon, XI, 5.

³ Procop. Anecd., II, 38—39.

⁴ Menander, fr. 35. FHG, t. IV, p. 237: „Ὅτι τῶν Ἀβάρων σπείραμένων καὶ ἐς τὰ οἰκῆτα ἀπερχομένων, οἱ Σκαμαρεῖς ἐγχερίως ὀνομαζόμενοι ἐνεδρεύσαντες ἀφείλοντο ἵππους τε καὶ ἄρτους καὶ ἕτεραν ἀποσκευήν.“

⁵ L. Hauptmann. Les rapports des Byzantins avec les Slaves et les Avars pendant la seconde moitié du VI^e siècle, Byzantion., t. IV. (1927—1928), p. 154; E. Stein, Studien zur Geschichte des byzantinischen Reiches vornehmlich unter den Kaisern Justinus II. Stuttgart, 1919, S. 46, 53.

И позднее, в VIII в. при императоре Константине V (741—775) скамары выступают в наших источниках как союзники болгар и славянских племен в борьбе против деспотического византийского государства. Известно, что Константин V вел ожесточенные войны с болгарами. В это время славянское государство — Болгария, проводя объединительную политику, добивалось у византийского правительства подтверждения своих прав на владение некоторыми городами и местечками Верхней Мезии. Однако Константин V частью интригами, частью непрерывными военными действиями стремился максимально ослабить военную и политическую мощь Болгарии, чтобы подчинить своей власти все славянские племена¹.

Хроника патриарха Никифора сообщает, что во время этих византийско-болгарских войн на стороне болгар сражались многочисленные славянские племена², а хронограф Феофан Византийский упоминает о скамарах как союзниках славян. Он рассказывает, что в 764 г. во время мирных переговоров с болгарским царем Баяном (Паганом) тайные агенты Константина V в Болгарии по его приказу „захватили вождя славян-северян, который причинил византийцам много зла во Фракии“. „Задержан был, — продолжает Феофан, — вместе с ним также и Христин, переметчик из христиан, предводитель скамаров, которому в пристани св. Фомы отсекли руки и ноги, потом отдали врачам и они его, еще живого, взрезали от пупа до грудной полости для наблюдения внутреннего устройства человека, а затем предали его сожжению“³.

Из этих сохранившихся до нашего времени весьма отрывочных сведений мы все же можем сделать вывод, что скамары как борцы против римского, а затем и византийского гнета в течение продолжительного времени выступали в союзе с вторгавшимися на Балканский полуостров и утверждавшимися там славянскими и другими племенами.

Эта совместная борьба внутренних и внешних сил, враждебных рабовладельческому строю, наносила разрушительные удары Восточно-Римской рабовладельческой империи, подтачивая самые основы рабовладельческого общества.

¹ Н. С. Державин, История Болгарии, т. II, М.—Л., 1946, стр. 16; N. Jorga. Histoire de la vie byzantine, t. II, Bucarest, 1934, p. 28 ss.

² Nicephori Chron. Migne, Patrologia graeca, t. C, col. 980: Τελέσιος ἐξέρχεται ἔχων εἰς συμμαχίαν καὶ Σχλαβηῶν οὐκ ὀλίγα πλῆθη.

³ Theoph. Chronogr., l. c.: Χριστῖνος, ἀπὸ Χριστιανῶν μαγαρίτης, καὶ πρῶτος τῶν Σκαμάρων.